УДК 378.095
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

И.В. Олимпиева
Университет «Реавиз»

ИМПЕРАТОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ В ПЕРИОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

В статье анализируется влияние социально-политических потрясений в России в середине XIX в. и начале XX в. на деятельность Императорского училища правоведения. Особое внимание уделяется вопросу ликвидации учебного заведения в 1918 г.

Императорское училище правоведения, правоведы, учебное заведение, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Петроградский агрономический институт, ликвидация.

Актуальность статьи обусловлена недостаточным вниманием к данной проблеме в научной литературе. В основном функционирование Училища в указанной период отражается в источниках личного происхождения и статистических изданиях. Задачей настоящей работы является исследование воздействия социально-политических процессов в России на деятельность Императорского училища правоведения. Хронологические рамки охватывают период с середины XIX в., когда размеренная жизнь учебного заведения была нарушена задержанием по делу М.В. Буташевича-Петрашевского бывшего воспитанника В.А. Головинского, и до августа – сентября 1918 г. Последняя дата коррелирует с процессом ликвидации Училища и передачи его имущества, в том числе зданий, Петроградскому агрономическому институту.

Источниковую основу исследования составили официальные документы, управленческая документация Императорского училища правоведения, Петроградского агрономического института, Народного комиссариата просвещения РСФСР, а также источники личного происхождения.

Императорское училище правоведения – привилегированное учебное заведение, созданное в 1835 году для подготовки кадров для судебной системы, – не знало больших потрясений в первые годы своего существования. Внешние обстоятельства практически не влияли на его внутреннюю жизнь. В Училище не было политических кружков, воспитанники не участвовали в сходках. Правоведы не выступали против университетского устава, поскольку он на учебное заведение не распространялся, или против, так называемого, «Циркуляра о кухаркиных детях» [18, с. 880–883], поскольку комплектование Училища правоведение осуществлялось только представителями привилегированного сословия, детьми потомственных дворян. Кроме того, воспитанники были мало подвержены внешнему влиянию, поскольку обучение носило закрытый характер.

Единичные случаи проявления революционных настроений немедленно пресекались руководством. В 1848 г. сын коллежского асессора Ямонта – Степан, возвратившись из воскресного отпуска, «радостно объявил своим товарищам, что Франция стала республикой, парижане прогнали короля, а трон сожгли» [12, с. 18–19]. Директор Училища князь Н.С. Голицын настоял на том, чтобы чиновник забрал сына из учебного заведения, поскольку тот «злонравным поведением своим имеет весьма вредное влияние, не только на товарищей своего класса, но и на всех воспитанников младшего возраста, которые невольно увлекаются худыми его примерами» [3, л. 2]. Но следует отдать должное директору, он не стал портить дальнейшую жизнь юноше. В полученном Степаном свидетельстве указывалось, что тот обучался в пятом классе «при добропорядочном поведении… с успехами весьма хорошими и хорошими» (Там же, л. 22–25).

Необходимо отменить, что 1848 год стал одним из наиболее тяжелых для правоведов. Задержание по делу М.В. Буташевича-Петрашевского бывшего воспитанника В.А. Головинского вызвало негативную реакцию со стороны правительства, что привело к ужесточению дисциплины и превращению гражданского учебного заведения в полувоенное. К счастью для Училища и его воспитанников, строгий меры продлились всего несколько лет [13].

В начале XX века жизнь внутри самого Училища изменилась. Воспитанники уже не так оторваны от внешнего мира, как это было в предшествующие годы. Революционные идеи начали проникать в стены учебного заведения и будоражить некоторые неокрепшие умы.

Осенью 1904 г. воспитанники начали активно обсуждать вопросы, которые затрагивались на Съезде земский деятелей [10, с. 47]. Весной 1905 г. некоторые учащиеся стали собираться вместе, в основном в квартирах родственников. К осени 1905 г. такая форма, как обмен мнениями, перестала их удовлетворять, и они перешли к более активным действиям, стали посещать многочисленные митинги. Данные обстоятельства стали известны директору В.В. Ольдерогге, а затем и попечителю училища принцу А.П. Ольденбургскому, который предпочел не вмешиваться и предоставил воспитанникам возможность самим разобраться в текущей ситуации.

Директору удалось найти аргументы, позволившие убедить большинство воспитанников отказаться от посещения митингов и обсуждения политических вопросов. Однако некоторые правоведы были настолько пропитаны революционными идеями, что решили провести собрание старших классов, на котором подняли вопрос о дальнейшей судьбе Училища. Они утверждали, что развитие и процветание учебного заведения возможно только при осуществлении коренных… реформ, как-то: 1) отмена служебных привилегий для оканчивающих в нем курс молодых людей (IX класс по чинопроизводству, тогда как университеты дают только X); 2) замена интерната на старшем курсе Училища общежитием без наблюдения и контроля инспекции; 3) замена классной системы преподавания предметной; 4) введение выборного начала для замещения должностей учебного и административного персонала Училища [10, с. 48].

15 октября 1905 г. с этими требованиями они направились к директору. Несмотря на все его доводы, правоведы были непреклонны и высказали намерение продолжать агитационную деятельность в стенах учебного заведения. Руководство Училища, опасаясь распространения революционных настроений, отчислило 17 наиболее активных воспитанников. Еще 16 учащихся добровольно покинуло учебное заведение в знак протеста.

Профессора (Л.И. Петражицкий, В.Н. Латкин, А.Э. Вормс, И.И. Кауфман) во главе с инспектором классов Д.Д. Гриммом выступили в поддержку отчисленных воспитанников и подали прошение об отставке. В результате образовательное учреждение одновременно лишилось преподавателей: русского права, энциклопедии права, истории русского права, торгового права и политической экономии. Однако их уход практически не отразился на учебном процессе, поскольку вакантные места довольно быстро заняли другие преподаватели. К весенним экзаменам воспитанники подошли с обычной подготовкой (Там же, с. 49).

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война повлияла не только на деятельность учебного заведения, но и на жизнь преподавателей и воспитанников. Многие старшекурсники были призваны на фронт. Так, согласно «Памятной книжке Императорского училища правоведения на учебный 1916–1917 год», из 28 воспитанников 1 класса 21 находились в действующей армии и военно-учебных заведениях, из 36 воспитанников 2 класса – 31, в третьем классе из 49 – 35 [14, с. 1]. К 1916 г. среди погибших был уже один воспитанник 2 класса – С.К. Беспалов, а также 15 бывших воспитанников (Там же, с. 5).

В самом учебном заведении по инициативе попечителя А.П. Ольденбургского был открыт временный лазарет Красного Креста для раненных воинов на 400 кроватей, в том числе 8 офицерских [5, л. 5–6]. С этого момента вся жизнь образовательного учреждения соотносилась с интересами лазарета. В любое время суток при прибытии раненных их встречала администрация и воспитанники.

За время деятельности лазарета с 31 августа 1914 г. по 21 июля 1915 г. на излечении в нем находились 1389 раненых из них 37 офицеров. В основном это были тяжелораненые, число легкораненых составляло не более 30 %. Средства на содержание лазарета выделялись Красным Крестом, но многие служащие трудились в нем бесплатно, выполняя административную и канцелярскую работу [5, л. 47].

Вместе с лазаретом по указанию попечителя с 27 апреля 1915 г. в учебном заведении было организовано производство противогазов. К этой работе привлекли всех воспитанников, их родителей, а также служащих и их семьи. Занятия были временно приостановлены, поскольку работали с половины девятого утра до девяти вечера, включая праздники. В день изготовляли и упаковывали до 8000 противогазов. По мнению А.П. Ольденбургского, этого количества было недостаточно, и воспитанников старших курсов откомандировали во многие губернские города в качестве опытных инструкторов (Там же, л. 48).

Но самыми тяжелыми в истории Училища стали 1917–1918 гг.

Впервые со сложностями революционного времени учебное заведение столкнулось уже в марте 1917 г. По этому поводу директор даже обращался к председателю Государственной думы М.В. Родзянко с просьбой «об охране Училища от революционных солдат» [16, л. 32].

Еще до установления советской власти и принятия Декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [2, с. 72] 14 марта 1917 г. директор предложил Министерству юстиции, в ведении которого находилось Училище, в предстоящем учебном году осуществлять прием лиц «всех сословий и вероисповеданий» [16, л. 1]. Однако реакции со стороны Министерства юстиции не последовало.

24 августа 1917 г. в газете «Биржевые ведомости» было опубликовано объявление о том, что «…учебные занятия в гимназических классах Училища правоведения начнутся 11 сентября в 3 часа дня, а приемные экзамены 4-го тоже в 3 часа. О начале занятий на старшем курсе будет объявлено особо» (Там же, л. 38). В объявлении также говорилось о временном закрытии интерната в связи с тем, что значительная часть помещений Училищу уже не принадлежала.

Если ранее помещения учебного заведения были неприкосновенны, поскольку здание было приобретено за счет личных средств первого попечителя Петра Георгиевича Ольденбургского, то новая власть в лице Временного правительства решила использовать их по своему усмотрению без согласия собственника. Так, с разрешения сначала Министерства юстиции, а с 22 августа 1917 г. Министерства просвещения [19] часть классов передана Комиссии «по расследованию незакономерных действий чинов военного ведомства по снабжению, вооружению и поддержанию боевой готовности и мощи армии» [4, л. 23], для профессиональных нужд рабочих Петроградского орудийного завода (Там же, л. 31), а также размещен исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов (Там же, л. 30). Культурно-просветительская комиссия при Литейной районной думе организовала на территории учебного заведения научно-популярные лекции для широкой аудитории по общественно-политическим темам (Там же, л. 27).

Рабоче-крестьянская власть, установившаяся в октябре 1917 г., продолжила политику вытеснения

Училища правоведения из принадлежащих ему помещений. Так, часть здания занял Всероссийский съезд земельных комитетов [4, л. 58, 67, 68], еще одна часть передана в распоряжение Комиссии «по устройству детских колоний при комиссариате просвещения» для пятинедельных курсов по подготовке руководителей (Там же, л. 75). 29 апреля в учебном заведении расположился психоневрологический институт (Там же, л. 76).

Училище продолжало свою деятельность, однако его судьба была предрешена. В мае 1918 г. поступил запрос отдела высших учебных заведений Комиссариата народного просвещения «о деятельности Училища в истекшем учебном году и о состоянии его в настоящее время» [9, л. 11]. Можно предположить, что это обращение было формальным, поскольку, как следует из выступления будущего директора Петроградского агрономического института профессора И.Л. Джандиери на заседании Президиума 15 мая 1918 г., вопрос о передаче здания Училища указанному институту был уже принципиально решен [6, л. 5].

25 мая 1918 г. Советом Училища было принято решение о проведении с целью подготовки к экзаменам летних занятий в течение 4-х месяцев для воспитанников старшего курса и для возвратившихся с фронта [9, л. 12]. Главная книга прихода и расхода денежных сумм содержит сведения о поступлении 30 мая и 7 июня денежных средств, вносимых за своекоштных воспитанников (всего 29 человек) [11, л. 2–3].

Описывая деятельность учебного заведения в 1917–1918 гг. воспитанник Н.Л. Пашенный упоминал, что исполняющий обязанности инспектора Александр Андреевич Страубе в 1917 г. сохранил бланки аттестатов и печать Училища. Благодаря этому обстоятельству некоторым воспитанникам были выданы свидетельства об окончании учебного заведения. По словам Н.Л. Пашенного, выпускные экзамены правоведы сдавали частным порядком дома у профессоров, которые записками сообщали об этом А.А. Страубе [15]. Однако документальных подтверждений данным фактам нет. Более того, согласно журналам Совета, в 1917 г. и первом полугодии 1918 г. Училище функционировало в обычном режиме.

Однако ликвидация императорского учебного заведения была неизбежна. Советская власть уничтожила не только имперский государственный аппарат, но и созданные им учебные заведения. В первую очередь это коснулось привилегированных образовательных учреждений, таких как Александровский лицей и Императорское училище правоведения. Акт комиссаров юстиции и народного просвещения о предполагаемой ликвидации поступил в Училище в июне 1918 г.

Следует отметить, что Уставом 1838 г. и ранее действовавшим Уставом 1835 г. порядок создания и ликвидации Училища не регулировался. Оно было создано в 1835 г. именным указом императора. Вопрос о ликвидации никогда не стоял.

В связи с предполагаемым упразднением учебного заведения 4 июня 1918 г. Совет решил направить в Комиссариат народного просвещения делегацию в составе: директора З.В. Мицкевича, профессора Э.Н. Берендтса, и. о. инспектора классов А.А. Страубе, преподавателя М.А. Лукина, правителя дел Т.И. Конюченко, председателя родительского комитета А.Н. Веревкина, служащих Иванова и Шачнева для переговоров и вручения письменного заявления комиссару по высшим учебным заведениям Смирнову, комиссару Гринбергу и комиссару Луначарскому [9, л. 15]. Неизвестно, состоялось ли общение делегации с указанными должностными лицами.

Несмотря на то, что в Училище получили «…в 145 раз достоверное известие о закрытии…» [8, с. 403], в июне 1918 г. Советом ведется активная переписка с Народным комиссариатом финансов о нормах и оплате труда преподавателей и служащих Училища [17].

7 июня 1918 г. на заседании Президиума Петроградского агрономического института профессор Е.А. Энгель сообщил, что вопрос о передаче институту здания Училища правоведения откладывается, поскольку решение данного вопроса находится в компетенции Наркомпроса, «который запрошен об этом телеграммами» [6, л. 6]. Спустя две недели в Комиссариате народного просвещения состоялось заседание ликвидационной комиссии, где представители Училища «выразили согласие на немедленное предоставление Агрономическому институту помещения для канцелярии» (Там же, л. 8) и 26 июня началась работа по составлению описи передаваемых зданий, имеющегося инвентаря и т.д. (Там же, л. 11).

9 августа 1918 г. Наркомпрос РСФСР постановил упразднить Училище правоведения. Дела и все имущество, кроме библиотеки, передавались в непосредственное ведение комиссариата Северной области. Библиотека поступала в распоряжение Социалистической академии общественных наук [1, с. 774–775].

Училище, которое в течение 80 лет готовило профессиональных чиновников, прекратило свое существование. Непосредственное решение принимали В.М. Пезнер, заведующий отделом высших учебных заведений, М.Н. Покровский, заместитель народного комиссара просвещения РСФСР, Д.Н. Артемьев, сотрудник отдела высших учебных заведений, и Н.К. Ульянова (Крупская), член коллегии Наркомата просвещения РСФСР.

26 августа 1918 г. на заседании Президиума С.М. Вислоух сообщил, что «приемка здания и инвентаря закончена, за исключением электрической станции, дворового имущества и библиотеки, которая временно взята на ответственное хранение Архивной комиссией научного отдела Комиссариата народного просвещения» [6, л. 21]. К 1 сентября был уволен весь персонал Училища. 2 сентября было выдано последнее жалование, а уже 8 октября 1918 г. в здании бывшего Императорского училища правоведения начались занятия Петроградского агрономического института. Здание приготовительных классов (ул. Сергиевская, ныне ул. Чайковского, д. 12) передано Агрономическому институту 15 января 1919 г. (Там же, л. 55, 84).

В силу закрытости многие социально-политические потрясение затрагивали Училище в меньшей степени, чем другие учебные заведения. Первая русская революция практически не отразилась на образовательном процессе, даже несмотря на тот факт, что некоторые преподаватели, несогласные с политикой

руководства, ушли в отставку. В начале Первой мировой войны вся жизнь учебного заведения была подчинена обслуживанию созданного на его территории лазарета Красного Креста и производству противогазов. После февральской революции начался процесс вытеснения Училища из занимаемых им помещений, который завершился 9 августа 1918 г. его закрытием. Решение о ликвидации не вызвало сопротивления со стороны руководства, хотя, несомненно, многие служащие отдали значительную часть своей жизни и профессиональной деятельности Училищу правоведения. Они были и верными подданными Российской империи, и законопослушными гражданами рабоче-крестьянского государства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII. Культура, наука и образование. Октябрь 1917 – 1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 книгах. Книга 1. Октябрь 1917 – 1918 г. / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Государственный архив Российской Федерации ; ответственный редактор Л. А. Роговая, ответственный составитель Б. Ф. Додонов, составитель Г. Н. Иофис, О. Н. Копылова, Т. Н. Котлова, В. И. Широков. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 1175 с.

2. Декреты Советской власти / [редакционная комиссия: Г. Д. Обичкин и др.] ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Институт истории Акад.емии наук СССР. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / [подготовка к печати доктор исторических наук профессор С. Н. Валк и др.]. – Москва, 1957. – XII, 626 с.

3. Дело об определении в училище сыновей коллежского асессора Ямонта, Владислава и Степана. 1846–1852 гг. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Д. 3731.

4. Дело о занятии двора и зданий приготовительных классов и зданий училища для нужд военного времени и в связи с революцией. 1915–1918 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 1. Д. 4851.

5. Дело о переписке по делам закрытого временного лазарета Красного Креста при Училище правоведения. 1916–1917 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 1. Д. 4859.

6. Дело о помещении для Петроградского агрономического института // ЦГИА СПб. Ф. Р-2996 (Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный институт» Министерства сельского хозяйства Российской Федерации). Оп. 1. Д. 2173.

7. Дело о составлении и утверждении финансовой сметы на 1918 г. // ЦГИА СПб. Ф.355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 2. Д. 98.

8. Дневник 1896–1918 / Б. В. Никольский ; издание подготовил Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин ; Российская национальная библиотека, Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации. Том 2. 1904–1918. – 2015. – 652 с.

9. Журнал заседания Совета Училища правоведения. 1918 г. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 2. Д. 42.

10. Императорское училище правоведения в 1885–1910 годах. Памятная записка, составленная и. д. инспектора В. И. Соболевским. – Санкт-Петербург : типография Одиночной тюрьмы, 1910. – 48 с.

11. Книга прихода и расхода денежных сумм // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 2. Д. 99.

12. Конисская, Л. М. Чайковский в Петербурге / Л. М. Конисская. – Ленинград : Лениздат, 1974. – 320 с.

13. Олимпиева, И. В. Роль военных кадров в подготовке юристов в Императорском училище правоведения (1835–1918) / И. В. Олимпиева // Военная история России XIX–XX вв. : материалы Международной военно-исторической конференции (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2019 г.) / под редакцией Д. Ю. Алексеева, А. В. Ароновича. – Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2019. – С. 113–118.

14. Памятная книжка Императорского училища правоведения. На учебный 1916–1917 год. – Петроград, 1916. – 348 с.

15. Пашенный, Н. Л. Императорское училище правоведения и правоведы: в годы мира, войны и смуты / Н. Л. Пашенный. – URL: https://genrogge.ru/isj/f-38.htm (дата обращения: 12.01.2026). – Текст : электронный.

16. Переписка со Всероссийским союзом городов о сборе средств для вечных воинов. Отношение директора к председателю Государственной думы М. В. Родзянко об охране училища от революционных солдат. 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 2. Д. 37.

17. Переписка с Народным комиссариатом финансов и с высшими учебными заведениями о нормах и оплаты труда преподавателей и служащих Училища // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918). Оп. 2. Д. 98.

18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10: Царствование императора Александра III. 1885–1888 гг. – 1894. – 1490, 132 стб.

19. Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате. 15 сентября 1917 г. № 222. Ст. 1510.

20. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 14 (1) марта 1918 г. № 28. Ст. 361.

I.V. Olimpieva

THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN THE PERIODS OF SOCIAL AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

The article analyzes the impact of social and political upheavals in Russia on the activities of the Imperial School of Law in the mid-19th and early 20th centuries. Particular attention is paid to the issue of the liquidation of the educational institution in 1918.

Imperial School of Law, legal scholars, educational institution, revolution of 1905–1907, First World War, Petrograd Agronomic Institute, liquidation.